

Д. В. Николаева

## Что делать, или Можно ли обучать детей литературе?

Слова, вынесенные в заголовок, нуждаются в пояснении, ибо это не риторический вопрос. Это действительно вопрос, которым задается, наверное, каждый учитель литературы.

Вот типичная картина моего учительства: я стою у доски и увлеченно рассказываю про то, как Дмитрий Сергеевич Лихачев сказал, что если когда-нибудь будет написана История Советов, то одно из первых мест в ней должно занять письмо Владимира Мономаха, адресованное убийце его сына. Очень меня Лихачев этим зацепил, и я должна с кем-то поделиться. Класс живет своей жизнью, уровень шума не превышает допустимый, за третьей партой Ванька с Данилом деловито «реанимируют» линейку, сломанную перед тем на перемене. У них скотч и несколько флаконов замазки: «Вань, Вань, ща гипс накладывать будем...» Гриша заткнул уши наушниками, спасибо, сидит тихо... Костя беседует с соседкой... У девочек тоже масса насущных проблем, не имеющих никакого отношения к древнерусской литературе. Среди этого безобразия есть несколько ангельских лиц, на которых изображен интерес к моим мукам. На первый взгляд, картина катастрофы – мы живем в разных плоскостях, и все, что я могу для них сделать, это не устраивать им каторгу вместо уроков литературы. А в том, что каторга бывает только *вместо* уроков, я убеждена.

Я знаю, что опыт авторитарного учителя тоже имеет право быть рассмотренным. И я его рассматривала, когда еще не была уверена, что из меня такого учителя не выйдет. А поняв, что не выйдет, я задумалась о том, для чего мне нужна эта тишина на уроке, эта «дисциплина», эти безмолвные «ученические единицы»? В первую очередь, чтобы проходящие по коридору думали, что я хороший учитель. Со стороны кажется, что тишина – показатель качества урока, его увлекательности, свидетельство

того, что учитель без помех в данный момент грузит в детские головы разные ценные сведения и полезные знания. Хорош также несильный гул детских голосов, когда они увлеченно обсуждают «предложенную учителем проблему». Может, оно и так, но для меня это пустые мечты. Предложенные мною проблемы не бывают так хороши, чтобы ими заинтересовались все двадцать два человека, сидящие в классе. В лучшем случае шесть-семь. А остальные все равно сочтут, что их собственные проблемы важнее и насущнее. Радует, что эти шесть-семь не всегда одни и те же.

Но разве КПД уроков, на которых детям надиктовывается информация, выше? Те же шесть-семь человек, которым литература «нужна» для дальнейшей карьеры, ее усваивают (характерно, что это слово позаимствовано из описания процесса пищеварения), зато остальные проникаются к литературе стойким отвращением и, выйдя с выпускного экзамена, клянутся себе, что больше никогда – ни-ког-да!!! – эту гадость в руки не возьмут.

Но и те несчастные, в чьих головах задержатся чужие мысли взамен собственных, оказываются на самом-то деле не подготовленными к дальнейшей жизни. Потому что цель такого обучения – выпускной (вступительный) экзамен. Вот он сдан, а дальше что? Вот насобачился выпускник писать сочинение (или пресловутую часть С в ЕГЭ). Где ему пригодится этот специфический жанр? Можете ли вы представить себе человека, который будет излагать свои мысли в форме сочинения, скажем, в дружеской беседе? Или в письме к родственнику? Да и вообще, многие ли в своей повседневной жизни «обсуждают» произведения искусства? В литературные салоны мы не званы, а на собственной кухне можем себе позволить ничего не демонстрировать. Прочитали книгу, что-то обдумали, готовы к «публичному выступлению», если такая потребность возникла. Стилистические шероховатости будут приветствоваться как свидетельство живости языка, речевую ошибку мало кто заметит, на фактическую вам укажут, а орфографическую в устном высказывании не сделаешь. Так чему же мы одиннадцать лет учили посредством написания

сочинения? На язык так и просится патетическое: «Надо учить мыслить!» Но думать они умеют. Проблема только в том, что не желают думать на *заданные* темы.

Так все-таки что же делать, чтобы им было интересно то, что происходит на уроке литературы?

Этот вопрос часто задается в профессиональной прессе. И какие только ответы не приходится выслушивать! Открываю наугад: автор очередной статьи рассказывает, как читать с детьми «стихи о родной природе». Дескать, надо, чтобы дети любили родную природу, и тогда они полюбят Паустовского... Я еще с детства испытывала безотчетное раздражение, когда взрослые говорили что-то о любви к природе. Со временем обдумала и поняла, что меня раздражало. Дело в том, что нельзя любить *природу вообще*. Она неизменно распадется на землянику, которая вкусная, бездомных собак, которых жалко, оранжевые осенние деревья, которые красивые. А любовь к красоте уже не любовь к природе, потому что природа это не эстетическая категория. Сами по себе деревья не испытывают грусти, впадая в очередную фазу своего существования, а лишь символизируют собой человеческие опасения по поводу наступающих холодов. Нет рассказов о природе, есть рассказы о человеке, который находит иллюстрацию своему настроению, мыслям и чувствам в явлениях природы. Разговоры о любви к природе напоминают анекдот, когда у рыночного торговца спрашивают: «Вы любите помидоры?» А он отвечает: «Кушать люблю, а так – нэт». А мы носимся с этими фальшивыми восторгами: ах, дети, ах, должны, ах, любить, ах, природу! И пересказываем друг другу в десяти разных изданиях «невыдуманную» историю о том, как учительница принесла в класс подобранную по дороге еловую ветку и какие трогательные сочинения написали по этому поводу Вовы П. и Маши К. А мои бы Вовы устроили из этой ветки балаган и написали бы какую-нибудь ерунду, чтобы только избавиться от этой сладчайшей и липкой сентиментальности, которую им пытаются навязать.

Все попытки ответить на вопрос «Как?» неизменно упираются в вопрос «Зачем?» – вопрос о *цели преподавания литературы*. Чего я хочу больше всего для своих учеников? Чтобы они были счастливыми и свободными людьми! Свобода – это свобода выбора. Предоставить им выбор – это и есть моя задача как учителя литературы. У меня нет снобистской убежденности, что мир, ограниченный сведениями из журнала «Лиза», хуже мира, открытого для всей «пройденной» и не пройденной нами литературы. Просто мне лично он тесноват. Но если кто-то из них сочтет, что для будущего счастья ему вполне достаточно первого варианта, я не буду в обиде. Потому что знаю: *выбор им был предоставлен*.

Я уверена, что прочитанные или выученные наизусть строки к ним обязательно еще вернутся. Именно так: не дети к книгам, а книги к детям, помимо их воли, даже не всегда представляясь: «Здравствуйте, я «Божественная комедия». А просто вдруг откуда-то из темноты выплывут строчки: «Земную жизнь пройдя до середины, я очутился в сумрачном лесу...» – и осветят эту темноту разноцветным сиянием...

## **Случаи из практики**

### **Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»**

Сражение с «Тарасом Бульбой» я начала, еще будучи ученицей седьмого класса. Вызвали меня к доске, а я вышла и сказала: «Это очень плохое и злое произведение». Сказала и заплакала. От собственной, оказавшейся непосильной смелости. Потому что как же мне, девочке, было считать Андрия предателем. Ведь он любил. А Остап никого не любил – вот он и есть предатель. Ведь родина отвечает на вопрос «что?», а не «кто?», разве можно любить неодушевленное?! Маму вызвали в школу – не воспитываете в ребенке патриотизм. Тем и запомнился мне классик – позором, слезами и роковым «несовпадением» со мной.

Дойдя до «Тараса Бульбы» в собственной учительской практике, я позволила себе открыто ненавидеть предмет изучения. Стала внимательно перечитывать текст – и вдруг увидела, что «вера христианская», определяемая прежде всего по гастрономическому принципу и ненависти к «жидкам», вовсе не является эталоном веры для автора. Об Остапе нигде не сказано, что он лучше Андрия, а о «ляхах» – что они хуже запорожцев. Подчеркиваются различия между людьми, каждый шаг которых регламентирован узкими улочками цивилизации, и другими, имеющими простор (в том числе и простор невежества) для проявления самых диких своих желаний. И тут выяснилось, что патриотизм во мне собиралась воспитывать моя учительница литературы и вся советская школа в ее лице, а вовсе не Гоголь. Гоголь, оказывается, совершенно не собирался принуждать меня к чему-либо, а романтически мечтал о просторе, воле, дикости. Хочешь, садись и мечтай с ним вместе, а хочешь – еще крепче возлюби узкие улочки своей несвободы.

Поэтому, придя в класс, я постаралась сосредоточить детей на деталях, по возможности лишив урок «установки»: просто с одной стороны все, что относится к *«простору»* и *«безграничности»*, с другой – к *«границам и ограничениям»*. Работа собирателей многих увлекла, ко мне поступали все новые и новые примеры. Смотрите, одни укрылись за стенами, а другие за телегами. Тот брат, который изучил науки, выбрал город, а тот, которому науки не дались, – степь. Гибель Тараса – трагедия, а причина гибели – безделица. И уже у самих детей возникла необходимость окрасить своим отношением эти противопоставления – кто лучше, Андрий или Остап, что лучше, «степь» или «город». Даже если ничего от этих споров у них не останется, все лучше, чем ненависть...

### **А. С. Пушкин «Золотой петушок»**

Когда я сообщила своим семиклассникам, что во второй четверти мы будем изучать «Сказку о золотом петушке», дети

взвыли: «Мы уже взрослые! А «Колобком» не пора ли заняться вплотную? Или «Курочкой Рябой»?» Хорошо, что дети сказали это вслух – я оказалась предупреждена, а значит, вооружена. Стала лихорадочно думать, что делать, и в беседе с одной из коллег услышала, что персонажи этой сказки Пушкина не претендуют на «жизнеподобие». Они – фигуры на шахматной доске, марионетки в руках автора. Мое воображение, оттолкнувшись от ее рассказа, нарисовало целый кукольный театр с поворачивающимся кругом, декорациями и множеством фигур – персонажей сказки.

Я пришла в класс и сказала: «В самом деле, «Золотой петушок» – детский сад. Давайте покажем его пятиклашкам. Пусть все видят, что это их уровень, это им может быть интересно!» И мы с детьми стали клеить «Петушка». Нам пришлось в самом прямом смысле слова вертеть в руках пушкинских героев. Дело затянулось очень надолго, и мы все откладывали и откладывали премьеру, закопавшись в бумажной психологии своих бумажных героев. Больше всех увлеклась я сама, увлеклась прежде всего потому, что... не смогла понять смысла сказки. И в процессе работы над куклами этот смысл стал потихоньку проступать.

Мы бесконечно долго красили, клеили, скрепляли – и все время рассматривали своих героев. Вот трогательно нескладные сыновья царя. Почему они не стали у нас записными красавцами? Потому что у родительской любви нет выбора, она не выбирает лучших... Вот склеили Скопца – нет, он не такой, он получился яркий, щеголеватый какой-то, как у Ирвинга... А наш Скопец – он апологет Покоя, а Покой туманный, незаметный, никакой. Шамаханскую царицу клеили девочки. Облепляли блестками, стразами, чтобы блестела, сверкала, поражала воображение. И вместе мы думали о том, что значит «поразить воображение». Парализовать его, чтобы не нарисовало последствий? Я рассказывала им и о том, что у Пушкина слова «блестящий», «сверкающий» всегда заставляют насторожиться, потому что

речь пойдет о внешнем блеске, противостоящем внутренней красоте. Над доской повесили листки с пушкинскими строками:

*Чужой для всех, ничем не связан,  
Я думал: **вольность и покой**  
Замена **счастьем**. Боже мой!  
Как я ошибся, как наказан...*

*(«Евгений Онегин»)*

*На свете **счастья** нет, но есть **покой и воля**...*

*(«Пора, мой друг, пора!..»)*

*Но под старость захотел  
Отдохнуть от ратных дел  
И **покой** себе устроить...*

*(«Сказка о золотом петушке»)*

В результате о «счастье» и «покое» размышлял весь класс. Подходили ко мне на переменах и высказывали свои соображения. Самой большой наградой считаю вопрос, заданный мне в конце работы: «А Скопец что – царя спасти хотел?» Ну да, получается, что Скопец хотел спасти царя, как «спасался» сам, как вообще мыслил себе «спасение» и как не мог согласиться «спасаться» Пушкин.

Случаи из собственной практики навели меня на простую мысль. Прежде чем провозглашать тему, рекомендованную методическим пособием, которая меня заставляет цепенеть от ужаса (например, «Масштабность мирозерцания поэта, постижение гармонии мироздания поэзии А. С. Пушкина»), нужно дать детям «потрогать руками» разные несложные детали произведения, попросить их найти в «Евгении Онегине» слова «блеск», «блестящий» или «стол», а потом, рассматривая собранные богатства, обнаружить, что стол может быть обеденным, туалетным, а в какой-то момент может становится подставкой для гроба – и так далее.

И еще я знаю одну вещь. Она банальна, но именно потому, что банальна, ей мало кто верит. Эта «вещь» – магия слова. Если заманить детей в текст и бросить там одних, они эту магию почувствуют. Пускай не сформулируют так, пускай не осознают

даже, но увидят, что ни один стол у Пушкина не бывает «просто так», ничто случайно не заблестит, а уж слова «сойти с ума», «безумец», особенно в сопоставлении с «Медным всадником», просто покажутся криптограммой, которую надо расшифровать.

Если бы меня попросили как-то обобщить свои наблюдения и ответить на вопрос, чего мне как учителю не хватает для того, чтобы детям было интересно на уроке литературы, я бы сказала так.

- Позволить уроку быть непредсказуемым.
- Строго следить за соотношением вопросов и ответов (количество вопросов, заданных учителем, должно многократно превосходить количество ответов, им данных).
- Забыть про «правильный ответ».
- Найти в каждом писателе то, что интересно именно тебе, за что ты его любишь или не любишь (учитель имеет право не любить писателя, который значится в школьной программе).
- Не торопиться с выводами, а заложить в изучении произведения «фазу собирательства».
- Считать, что все дети, сидящие перед тобой, – «филологи» и достойны того, чтобы вести с ними серьезный разговор.
- Быть снисходительным к неумению (зачем учить тех, кто все умеет?) и даже нежеланию говорить и писать на заданную тему.
- Оценивать не способности, а только прилежание.
- Радоваться каждой самостоятельной мысли, чтобы привить охоту их высказывать.
- Позволять себе быть самим собой.
- Не давать установок и, высказывая свое мнение, даже если оно совпадает с мнением сотни маститых литературоведов, уважать право каждого с тобой не согласиться.

А самое главное, не терять надежды на то, что хоть когда-нибудь этим детям будет интересно.